

Снова о дожде

И снова в Донецке танцует по улицам дождь.
Начало положено: март, перекрёсток, машины.
И свет фонарей, и как будто кружит балерина
Свои фуэте по бульвару, а твой макинтош —

Твой плащ набирается силы весенних дождей.
Ты снова включаешь свой вечер настольною лампой
И смотришь на мир незатейливым Форрестом Гампом,
И мир отвечает заботой обычной своей.

И жизнь не кончается, благодаренье дождю,
В застывшем на время прощёном твоём воскресенье.
Звенит колокольня в дожде её первом весеннем.
И радуется взор балерина батманом танцю.

Да, ты, безусловно, ещё в закулисье не вхож,
Ты просто предчувствуешь новое счастье балета,
Ты целую зиму мечтал вожделенно об этом,
И в этой донецкой премьере за окнами дождь.

Я закурю. Закончится война,
По улицам пройдут войска, и ночью
Все также будет виден из окна
Весь этот мир, усталый и порочный.
Соседский заиграет патефон
Какую-то мелодию из детства.
И всё пройдёт, как марево, как сон,
Без осязаемых смыслов и последствий.
Я закурю. Бессонный интернет
В компьютере запомнит всё, что нужно,
И всё, что нужно, он сведёт на нет,
Оставив только то, что равнодушно
Признает верным. Кончится война.
Закончатся слова и недомолвки,
Но как обычно виден из окна
Ночной туман. Пустынной остановкой
Ночной троллейбус брезгует. Звенят
Под напряженьем голые троллеи,
А небо завершает звездопад,
Погасших звёзд ни капли не жалея.
Я закурю. В предвосхищенье сна
Я закурю, усталый и голодный.
Ну что ещё? Закончилась война.
И город спит всемирно, всенародно.

В Донецке дождь

В Донецке дождь – плащи, дождевики,
Беспрецедентных зонтиков стихия:
Штрихованные улицы хмельные —
Гравюрами неопытной руки

Троллейбусы, маршрутные такси...
Прохожие в переплетенье улиц
Бегут к машинам, под дождём сутулясь,
Сжимая мелочь нужную в горсти.

Дождь без труда нарисовал Собор,
Рисует нищих по дороге к рынку,
Цветочных будок пёстрые картинки
И чей-то торопливый разговор.

Дождь по проспекту движется к реке,
В ней ощущая родственную душу,
Дождь многолик, исполнен всякой чуши —
Он протестант, безбожник, саддукей.

А ты так юн, тебе семнадцать лет,
Ты только что вернулся из Алушты,
И дождь пошёл легко, великодушно,
Вплетаясь в дым отцовских сигарет.

Откроешь форточку, чтоб подышать грозой
И ощутить дождя солёный привкус,
И осознать, что жизнь не получилась,
И посмеяться над самим собой.

А дождь стучит морзянкою морской
О кораблях, финвалах и касатках,
О странных снах, придуманных украдкой,
О безуспешной жизни городской.

И запах кофе, слоббы аромат,
И улица Артема за окошком...
И нежный лепет как бы понарошку,
Пока не слышен грохот канонад.

День отшумит, день превратится в ночь,
Погаснет свет и силуэты в окнах...
И запах роз, и дождь пришёл с востока.
Ты выйдешь из дому, куда-нибудь зайдёшь.

И в этот миг ты многое поймёшь.
Повесив плащ, промокший церемонно,
Ты повторишь кому-то тихо, сонно:
Есть город, есть Донецк, в Донецке – дождь.

А у нас тут Донецк

А у нас тут Донецк, полдесятого, август, пора
Выходить на балкон для последней ночной сигареты.
Недописанный текст полушёпотом ищет слова
Для грядущего утра, и весь в ожиданье ответов
На вопросы, которые были поставлены вскользь.
А у нас тут Донецк в обрамлень бульваров бессонных,
Зацелованных пар, и почти что мифических роз,
И заброшенных шахт, и незримых ночных терриконов.
А у нас тут Донецк, ощутимый в дыханье твоём,
В твоих тёплых губах, в расстояниях и расставаньях.
Этот город уставший и этой реки монохром
Одеваются осени пёстрой обыденной тканью.
А у нас тут Донецк, сохраняющий детство моё
В ощутимой на кончиках губ еле слышимой речи.
Ничего не понятно, и Бог с ним, мы переживём,
А у нас тут Донецк, и от этого, кажется, легче.

Донецк

Просёлочная боль – осколочная боль
Реки,
несущей кровь
моим заводам,
В непрожитом году порождена тобой
Жизнь города и моего народа.

Мой город, мой Донецк (четырнадцатый год),
Пустынный
и измученно красивый,
Я помню о тебе: во мне ещё живёт
Твоих дворов истерзанная сила,

Твой трепет тополей под грохот вдаль,
Под вой сирен и брошенность молчанья.
Мой город, я тебе гадаю по руке,
Промокнув под донецкими дождями.

Я нагадаю всё: я нагадаю мир,
Я нагадаю улиц многословье,
Вечерний полумрак неброшенных квартир,
Наполненных безудержной любовью.

Я нагадаю дождь, я нагадаю снег,
Покой беззвучных городских бульваров,
Я нагадаю грусть, я нагадаю смех,
Театра площадей репертуары...

И будет жизнь идти, как часики идут,
В секундах растворяя бесконечность...
Ты Родина моя, мой истинный уют,
Моя судьба – нагаданная вечность...

Дождливое утро и море сонное,
И жизнь, проживаемая
Кое-как...
Какая там, к чёрту, твоя Барселона?
Судак...

Извечная мука летнего пляжа:
Встречать привезённые города.
Я сонный, небритый, мне кажется даже,
Что я таким же буду всегда.

Прохладной воде отдавая сердце,
Предчувствую музыку первооснов:
Последнего дня мимолётное скерцо
Важнее значительно тысячи слов.

Я завтра уеду, пойду по следу
Ушедших ранее. В пух и прах
Мои войска разгромило лето.
В оставленных мной городах

Под гулкий топот отрядов конных
Погибнет взлелеянный мною юнец.
Какая там, к черту, твоя Барселона?
Донецк.

Мой дождь идёт над городом моим,
над Крытым рынком, над ночным бульваром,
Над площадью... Моим влюблённым парам
Не страшен Рим, как и не страшен Крым.
Судьба моя туманна и страшна,
Сто лет прожив в несочинённых книгах,
Я жизнь служил, барахтаясь в интригах,
Но это, право, не моя вина.
А дождь идёт, смывая все следы,
Стучась в окно, как путник запоздалый,
Сегодня ночь в своих делах усталых
Забылась в обрамленье суеты,
Не зная ничего о том, что днём
Горел мой город медленной свечой,
горел мой рынок и мои проспекты,
мой город, измождённый и раздетый,
Горел, горел свечой за упокой.
А я лежу, не глядя в потолок,
Считаю протяжённые минуты...
Горит мой город, дождь идёт, как будто
Свеча горит, и это видит Бог.